

notlivé vety, rôzne príkazy a zákazy, ako ich s obľubou citovali rímski právnici, historici a rečníci z konca republiky i prvých storočí cisárstva“. KINCL, J. – URFUS, V. Římské právo. Praha: Panorama, 1990, s. 33.

¹⁴ Cicero, M. T. O Řečníku, preložil Václav Prach. Praha: Hendrich, 1940, s. 34-35.

¹⁵ Cicero, M. T. O Řečníku, preložil Václav Prach. Praha: Hendrich, 1940, s. 28.

¹⁶ Cicero, M. T. O povinnostech, z lat. originálu preložil Jaroslav Ludvíkovská. Praha: Svoboda, 1970, s. 104.

¹⁷ Cicero, M. T. O povinnostech, z lat. originálu preložil Jaroslav Ludvíkovská. Praha: Svoboda, 1970, s. 33-34.

¹⁸ Brösl, A. Dejiny politického a právneho myslenia. Bratislava: Iura Edition, 1999, s. 112.

¹⁹ Voltaire, F. M. Filozofický slovník. Preložila Emma Horská, Jan Laichter. Praha, 1925, s. 370-371.

²⁰ „Uzrieť cnosť v jej skutočnej podobe nie je nič iné, než predstaviť mravnosť zbavenú všetkých prímiesi zmyslovosti a všetkých nepravých ozdôb odmeny alebo sebalásky“. KANT, I. Základy metafyziky mravov. Bratislava: Kalligram, 2004, s. 54.

²¹ Thomson, G. Kant, preložila Ľubica Hábová. Bratislava: Albert Marenčin – Vydavateľstvo PT, 2004, s. 93-94.

²² Kategorický imperatív opisuje, ako by konala dokonale racionálna bytosť. Pre nedokonalé racionálne bytosti, ako sme my ľudia, je to „to čo by malo byť“, ktoré nám diktuje ako by sme mali konať. Thomson, G. Kant, preložila Ľubica Hábová. Bratislava, Albert Marečin Vydavateľstvo PT, 2004, s. 84.

²³ Thomson, G. Kant, preložila Ľubica Hábová. Bratislava, Albert Marečin Vydavateľstvo PT, 2004, s. 82-83.

²⁴ Chovancová, J.: Kant filozof a právnik In: Acta univeritas Masarykianae Brunensis , Brno 2004, s.160-164.

²⁵ Kant, I. Základy metafyziky mravov. Bratislava: Kalligram, 2004, s. 48.

²⁶ Chovancová, J., Valent, T. Filozofia pre právnicka. Bratislava: VO PraF UK, 2008, s. 227.

²⁷ Chovancová, J. Filozofia a politická filozofia 20. storočia. In: Acta Facultatis Iuridicae UK, roč. 19, Bratislava 2000. s. 87

M. Danish

THE IMPORTANT AUTHORITY IN THE HISTORY OF THE LAW DEALS

Key words: *history of the law; crisis of morality; Socrates; Cicero; Voltaire; Kant.*

Article entitled important authority in the history of the law deals with the need for moral authority, as participating sponsor in the protection of the law. Especially today – in time of economic crisis, respectively, in crisis of morality. Through important personalities in the history of humanity, as Socrates, M. T. Cicero, H. Grotius, F. M. Voltaire or Kant, causing with their life work a revolution in legal thinking the author points to the need of existence and activity of moral authority. Especially in the field of law. However, not all authorities can be considered as morally. In the 20th century are very important to talking about so important theists such as R. Dworkin, L. L. Fuller. An important message is that history is rich, so that we learn from it and inspired by these authorities, created your own court and then correctly decided that we avoid mistakes with our ancestors have solved.

Г.В. Рокина

ПУТЕШЕСТВИЯ РОССИЙСКИХ УЧЕНЫХ В СЛАВЯНСКИЕ ЗЕМЛИ И ИХ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

В статье на архивных материалах дана характеристика путешествий российских славистов в первой половине XIX века в славянские земли Австрийской империи. Показаны особенности формирования первого, романтического, этапа отечественного славяноведения. Акцентируется внимание на роли славянского вопроса в период формирования государственной доктрины «самодержавие, православие, народность».

Ключевые слова: *российское славяноведение; слависты; путешествия в славянские земли; кафедры славянских наречий и литератур.*

Славяноведение как наука зародилось на рубеже XVIII – XIX веков и в славянских землях вскоре стало выразителем и пропагандистом патриотических идей национального возрождения, а затем, после всеобщего воодушевления поэмой словацкого поэта и мыслителя Яна Коллара «Дочь Славы» и его трактатом «О литературной взаимности между племенами и наречиями славянскими» (1836), - и славянской идеей¹. На характер представлений российских ученых о славянах, на пробуждение научного и государственного интереса к ним большое влияние оказали путешествия по славянским землям. Само понятие «славянские земли» широко входит в научный оборот после путешествий славистов в Европу в первой половине XIX века. Выделение этого ареала научных изысканий означало оформление славянской идентичности России, пока лишь в области нового направления науки – славяноведения. В тот период оно не имело политической окраски и не отражало каких-либо гео- или этнополитических устремлений, как это стало позднее.

Первым, кто посетил земли славян Австрийской империи с научными целями, был известный Санкт-Петербургский библиограф П.И. Кеппен. Оценивая его поездку, другой российский ученый, А. Кочубинский, писал в конце XIX века: «Путешествие энергичного Кеппена по Австрии, по славянским землям, составило известного рода эпоху в развитии славяноведения у нас, с многообразными последствиями в ближайшем и более отдаленном будущем. Но оно было со значением и для них, самих славян Австрии. Кеппен тощ не возвратился уже по одному тому, что открыл личные знакомства с выдающимися деятелями того времени среди австрийских славян; он стал, верный себе, энергичным посредником между молодой наукою России и славянскими учеными силами Австрии...»².

Путешествия Кеппена можно восстановить по его пока не опубликованному путевому дневнику³. Как свидетельствуют записи, во время своей поездки Кеппен встретился с представителями самых различных славянских наречий и собрал материалы для своего будущего издания – «Библиографические листы».

В славянских землях он также собрал одну из первых в России библиотек по славянской истории и литературе.

После возвращения Кеппена из-за границы его связи со славянскими учеными становятся оживленными и регулярными. Это – переписка, обмен книгами, научной информацией и т.п. В 1820-е годы в кругах российских преподавателей возникает мысль о создании славянских кафедр в высших учебных заведениях. В литературе существует точка зрения, что эта идея впервые появилась у Кеппена, и возникла она в результате его общения с зарубежными славистами, в частности под влиянием трактата Яна Коллара «О славянской взаимности». Так, А. Сиротинин полагал, что точно во исполнение указанной Колларом программы «изучается в университетах славяноведение, возникают общеславянские литературные журналы, издаются грамматики и словари всех славянских наречий, собираются народные песни, пословицы, созываются славянские съезды»⁴. Оценки российского слависта, на наш взгляд, не совсем точно определяли характер сотрудничества Коллара и Кеппена в области славяноведения и публицистики. Даже хронологическое несовпадение даты возможного влияния программы Коллара и деятельность русского ученого подтверждает ее самостоятельность. Идея создания кафедр славянских языков и конкретная программа культурного сотрудничества славян была сформулирована Колларом в его трактате, впервые опубликованном в журнале «Гронка» лишь в 1834 году. Более реально было бы говорить об обратном влиянии российского слависта на формирование идеи славянской взаимности Коллара.

В письме к министру народного просвещения А.С. Шишкову в декабре 1826 г. Кеппен указывал на необходимость основать кафедру славянской литературы при филологическом отделении Главного педагогического института. При этом основным его аргументом было то, что «самое основательное знание отечественного языка и постепенное усовершенствование оного не может иметь места без знания древнего коренного языка и без понятий (хотя предварительных) о свойствах и литературе всех его многозначительных отраслей»⁵. Позже Кеппен развернул широкую деятельность по приглашению славянских ученых в Россию для преподавания новой дисциплины в высших учебных заведениях⁶.

Славянский вопрос обострился после подавления польского восстания 1830 г., расколовшего западных славистов на сторонников и противников русофильства. В первое десятилетие правления Николая I начинается оформление принципов государственной доктрины – теории официальной народности. В середине 1820-х годов император должен был не только провозгласить самодержавие неотъемлемым элементом сильной Российской империи, но и определить его роль в истории. Необходимо было объяснить отсутствие представительных учреждений в России. В обнародованном после суда над декабристами манифесте самодержавие провозглашалось той силой, которая способна самостоятельно реализовать все общественные потребности⁷. Некоторый присущий правлению Александра I религиозный космополитизм остался в прошлом. Это проявилось в закрытии Библейских обществ и ликвидации Министерства духовных дел и народного просвещения⁸. Православие было провозглашено основной религиозной составляющей новой доктрины. Этот постулат поддержали церковные

иерархии и представители ведущего национально-консервативного политического направления.

Центральным элементом названной теории стало понятие «народность», именно в ней нашло свое выражение противопоставление России Европе, и вместе с тем, смелое утверждение, что Россия могла идти не позади, а, по крайней мере, рядом с прочими европейскими национальностями. Включение элемента «народности» в официальную доктрину государства имело далеко идущие последствия, проявившиеся, в частности, в борьбе славянофилов и западников и особом пути развития русского либерализма.

Исключительную роль в складывании либеральной традиции в России играли некоторые государственные деятели. Особенностью русского либерализма было то, что главными инициаторами модернизации выступали представители правительственных кругов. При этом не исключается роль помещичьего дворянства, интеллигенции и выдающихся деятелей просвещения и общественной мысли. В этом смысле славянский вопрос несомненно можно отнести к содержанию либеральной программы российской властвующей элиты. Наиболее наглядно это демонстрируют взгляды министра народного просвещения С. Уварова.

Первоначально С.С. Уваров находил аргументы в пользу теории официальной народности во внешнем факторе – в движении славян Австрийской и Османской империй. В историографии существует мнение, что на содержание соответствующих записок графа С. Уварова к императору и главе внешневедомства России графу К.В. Нессельроде повлияли донесения М. Погодина о результатах его путешествий по славянским землям⁹. В письме к канцлеру (1842 г.) С. Уваров пишет о назревшей необходимости обратить внимание на австрийских славян: «...Иностранные кабинеты пытаются подорвать остатки нашего влияния на наших единоверцев, чтобы денационализировать славянское население: они сговорились лишить его религиозной веры и веры в нас. Это средство эффективно и не ново; со своей обычной осмотрительностью Австрия использует его издавна». В противовес этим антиславянским устремлениям русский министр предлагает не бездействовать в данной области, а усилить преподавание славистических дисциплин в России, устанавливая дружеские контакты с зарубежными славянами в целях содействия российскому внешнеполитическому курсу, вопреки тому, что «европейской политике выгодно держать нас в бездействии в указанной области, в то время как сама эта политика не дремлет и открыто маневрирует, дабы полностью изгнать нас оттуда»¹⁰.

Об этих маневрах во внешнеполитической сфере свидетельствует включение славянского вопроса в русско-австрийские переговоры начала 1840-х годов. В ноябре 1842 года посол Российской империи в Вене граф Медем доносил в Петербург Нессельроде, что австрийское правительство «откровенно» высказало ему свои опасения по поводу славянского движения (в частности иллирийского), считая, что содействие этому движению оказывают «выходцы из России». В ответ на сообщение Медема император Николай собственноручно написал на его депеше, что никогда русское правительство не опустилось бы до того, чтобы поддерживать революционную агитацию в соседнем дружественном государстве.

Важную роль в формировании государственного интереса к славянскому вопросу и в организации изучения славянства в российских университетах играл М.П. Погодин.

Михаил Петрович Погодин (1800–1875), известный историк, профессор Московского университета, не был славистом-профессионалом. Основное внимание в своей преподавательской и научной деятельности он уделял российской истории и в течение девяти лет возглавлял кафедру российской истории в Московском университете (1835–1844). Эта кафедра была основана в соответствии с новым университетским уставом 1835 г., как и кафедра славянских наречий. Во главе них были поставлены заслуживающие доверия правительства профессора. Легитимность М. Погодина и доверительные отношения с правительственными кругами чаще всего ставились ему в вину как западнически настроенными современниками, так и впоследствии – и марксистской историографией. В современной литературе до сих пор сохранились самые противоречивые оценки деятельности М. Погодина как ученого и общественного деятеля¹¹.

Занимаясь российской историей, Погодин живо интересовался прошлым славянских народов¹². Этот интерес возник у него еще в 1820-е гг., однако в свои университетские курсы по всеобщей и российской истории он включает славянский материал лишь с 1830-х годов. В ответ на польское восстание 1830–1831 гг. Погодиным был начат курс лекций «История Царства Польского», который он не успел завершить из-за запрета администрации¹³. По мнению М. Досталь, «М. Погодин, стремясь представить славянские народы в качестве равноправных участников европейской истории и глубже обосновать свою концепцию русской истории, вводит славянский материал в свои курсы»¹⁴. Именно этот интерес московского профессора к славянству и его истории побудил его предпринять ставшие впоследствии знаменитыми «путешествия в славянские земли».

Известны четыре его путешествия М. Погодина (1835, 1839, 1842 и 1846 гг.), во время которых и произошло знакомство с лидерами славянских движений, в том числе и с автором теории славянской взаимности - Яном Колларом. Первая командировка имела целью побывать в лучших учебных и научных заведениях Западной Европы, и в первую очередь в Берлинском университете. Здесь он познакомился с лекциями Л. Ранке, Ф. Савиньи, Ф. Шлоссера и вынес твердое убеждение о необходимости тщательной проверки по первоисточникам всех их исторических трудов, а также более узкой специализации в преподавании и изучении исторических дисциплин.

Непосредственные встречи со славянскими деятелями произошло во время второго путешествия 1839 года. Общение с ними для Погодина было намного свободнее, так как он мог представить, какое образование получили эти деятели, прослушавшие университетские курсы, главным образом в Германии. Как показал анализ корреспонденции Погодина со славянскими учеными, это была переписка профессионалов, одинаково полезная для обеих сторон, проходившая на современном им уровне исторической и славистической науки. Кроме академических интересов обсуждались и практические вопросы: как лучше обменять и переслать книги, подписаться на научные журналы, кому необходима материальная поддержка¹⁵.

Но была и другая сторона этих отношений, которая может быть и сегодня раскрыта лишь с помощью архивных изысканий. Ссылки современных исследователей на изданные еще при его жизни «Политические письма М. Погодина», на наш взгляд, неточно трактуют истинную подоплеку его славянских контактов. Конечно, именно с М. Погодина начинается использование в политических целях чисто научных российско-славянских контактов. Материальная поддержка, которая оказывалась официальными ведомствами, не была только благотворительной помощью. В российском архиве хранятся адресованные С.С. Уварову донесения Погодина о результатах путешествий по землям австрийских славян. В них он указывал на русофильство славян, и даже на их стремление отделиться от Австрийской империи и образовать славянское федеративное государство во главе с Россией¹⁶. Эти донесения были подготовлены М. Погодиным после второго путешествия в славянские земли, во время которого он познакомился с автором теории славянской взаимности – словацким ученым Я. Колларом.

Следует заметить, что публикации донесений московского профессора в Министерство народного просвещения и его писем к графине Блудовой от 1874 г.¹⁷ не совпадают полностью с секретными материалами, хранящимися в архиве Министерства народного просвещения. Из этих архивных материалов явно следует, что донесения М. Погодина нашли поддержку у министра и императора, о которой он умалчивает в своих опубликованных письмах.

В научной литературе о путешествиях российских ученых в славянские земли остался также незамеченным факт, что хорошо известному вояжу Погодина 1839 г. предшествовала командировка в славянские земли двух студентов Главного педагогического института М. Касторского и Н. Иванишева. После своих поездок они составили записки в Министерство народного просвещения «о состоянии богемских ученых и венгерских сербов». Документы были переданы С. Уваровым президенту Императорской российской академии и в канцелярию самого императора¹⁸. В сопроводительной записке С. Уваров замечает, что «сведения, полученные в результате путешествия молодых наших ученых в славянские земли, кроме положительных результатов для нашей филологии, доставили ... ближайшие сведения о настоящем положении славянского мира». Здесь же он просил оказать материальную поддержку славянским ученым.

В итоге он получил согласие президента академии А. Шишкова и такую же резолюцию императора. Выделенная значительная сумма денег могла быть передана славянским ученым через М.П. Погодина. В докладной записке к императору от 6 декабря 1838 г. С. Уваров писал: «Для доставления же оной суммы... представляется удобный случай в путешествии в славянские земли профессора Московского университета Погодина, который, отправляясь в начале будущего года и находясь в литературных сношениях с сими учеными, может доставить им щедротами Вашего Величества дарованное пособие, равно как и прочие пожертвования, без обращения на то особенного внимания со стороны Австрийского правительства»¹⁹. А в январе 1839 г. Погодин получил секретное послание из министерства, в котором за подписью Уварова ему поручалось «доставить Шафарику и Ганке каждому по пяти тыс. рублей согласно с данными мною (С. Уваровым. – Г.Р.) вам словесно наставлениями по сему предмету»²⁰.

Обнаруженные документы дают возможность несколько иначе представить историю организации субсидирования славянских ученых со стороны российского правительства. Традиционно в литературе эти акции воспринимались как ответ на личную инициативу профессора М. Погодина. Однако есть основание утверждать, что оказание материальной поддержки лидерам славянского движения в Австрийской империи началось по инициативе российского правительства и лично министра народного просвещения С. Уварова.

С другой стороны, бесспорным является тот факт, что дружеские отношения Уварова и Погодина на протяжении многих лет способствовали выработке у них общих взглядов на славянский вопрос²¹. Спорной представляется точка зрения Ф.А. Петрова о том, что «вторая докладная записка Погодина (1844 г. – Г.Р.) вызвала нарекания Уварова, который заметил, что тот как профессор университета превышает поставленные перед ним задачи, и его вторжение в современную политику, основанную на принципах “Священного Союза”, нежелательно»²². Эти оценки появляются у министра народного просвещения намного позже, в 1847 г. в знаменитом циркуляре вслед за разгромом Кирилло-Мефодиевского общества. Даже после ухода с кафедры Московского университета М. Погодин пользовался особой поддержкой правительства²³.

После путешествия Погодина 1839 г. С. Уваров сообщал императору: «Я получил ныне от профессора Погодина донесение об исполнении возложенного на него поручения... он исполнил его с должной осмотрительностью и можно полагать, что оно не сделалось никому известным и не возбудило внимания Австрийского правительства»²⁴. Позже за свои труды и риск М. Погодин был награжден орденом Св. Владимира четвертой степени и денежным вознаграждением в три тысячи рублей серебром²⁵. Таким образом, все донесения М. Погодина нашли поддержку в правительстве. Иначе не могло и быть, так как изначально инициатива оказания поддержки славянских деятелей исходила из министерства.

После личной встречи с идеологами славянских движений в Австрии М. Погодин увидел в них лидеров, за которыми могли бы пойти австрийские славяне. В донесениях министру С. Уварову от 1840 и 1843 гг. Погодин писал: «...Влияние их (Коллара и Шафарика. – Г.Р.) во всех славянских странах бесконечное. Все славянские языки и литературы как будто ожили, проснулись от долговременного тяжелого сна прикосновением их волшебного жезла...»²⁶. Далее, сообщая о тяжелом положении славян в Австрийской империи, Погодин замечает: «...Дикая грубость и жестокость их непосредственных угнетателей, венгерцев, вместе со стихотворениями их барда Коляра, возбудили новое поколение до невероятности». Эта внутренняя ситуация, по мнению М. Погодина, могла способствовать усилению влияния России среди славян, которые рассматривались как будущие союзники в этом регионе. М. Погодин предлагает российскому правительству всячески поддерживать славянских лидеров, и в первую очередь материально. По его мнению, «протестантский проповедник Коляр, первый двигатель славянской приверженности к России, имеет полное право на содействие его ученым трудам». Погодин даже называет сумму пособия тем австрийским славянам, кто бы мог в дальнейшем содействовать распространению славянской взаимности, – «25 тыс. руб. асс. ежегодного пособия удовлетворили бы оныя в из-

бытке; 10 тыс. отчасти. Пособие должно быть подаваемо, разумеется, самым тайным образом». В следующем донесении о путешествии 1842 г. Погодин еще более настойчиво пишет о необходимости материальной поддержки австрийских славян: «Теперь могу сказать, что эту помощь считаю необходимою, если Россия не решилась оставить славян совершенно на произвол судьбы и европейских интересов. Я берусь доставить ее еще более тайно, нежели англичане доставляют порох черкесам или пруссаки запрещенные книги полякам. Большую часть этой помощи можно даже делать публично, от имени Российской академии и исторических обществ...»²⁷.

Как свидетельствуют материалы российского архива, первое донесение было представлено С. Уваровым императору. На его докладной записке от 23 февраля 1840 г. сохранились карандашные пометы, сделанные рукой Николая I: «Очень любопытно, но требует большой осторожности. 2 тысячи серебром выдать можно»²⁸. Интерпретация М. Погодиным стремлений австрийских славян, в том числе и словаков, к культурному и духовному сближению как предпосылки к политическому объединению нашла поддержку у императора, которая выразилась в его кратком «очень любопытно» и выделении материальной помощи лидерам славянских движений.

После принятия устава 1835 года в славянские земли для изучения истории, литературы и языка народов, их населявших, были посланы кандидаты на занятие этих кафедр из четырех российских университетов – О.М. Бодянский, П.И. Прейс, И.И. Срезневский и В.И. Григорович. Свои знания, опыт, методику научных исследований молодые ученые получили прежде всего в Праге, которая в тот период являлась центром славистических изысканий. Вернувшись после путешествий по славянским землям, именно они заложили основы русского научного славяноведения²⁹.

Все четверо ученых, занявших впоследствии кафедры славистики в Московском, Петербургском, Харьковском и Казанском университетах, лично познакомились во время поездок с многими славянскими учеными, их сочинениями, завязали с ними переписку, стали пропагандистами творчества в своей последующей научной и общественной деятельности. Однако эти встречи не произошли спонтанно, а были обязательной частью программы их заграничных стажировок, которые утверждались в Министерстве народного просвещения, что свидетельствует о наличии государственных интересов в контактах российских профессоров со славянскими учеными.

Одним из первых в славянские земли выехал Измаил Иванович Срезневский (1812–1880), будущий профессор Харьковского, а позднее (после смерти П.И. Прейса) Петербургского университета. В отечественной историографии подробно изучена его роль в становлении и развитии славяноведения и российско-славянских научных связей³⁰.

Как в свое время М.П. Погодин И. Срезневский обратился в Министерство народного просвещения за поддержкой, чтобы получить содействие в издании сочинений славянских ученых, в том числе и Я. Коллара. Благодаря этому ходатайству все высшие учебные заведения России должны были подписаться на сочинение словацкого поэта «Старо-Италия славянская»³¹. Кроме того Срезнев-

ский стал одним из активных популяризаторов и защитников идеи славянской взаимности в России. Вместе с П. Прейсом он планирует издание в России все-славянского журнала «Новости словесности русской и иностранной», который, по их мнению, мог бы стать практическим воплощением литературной взаимности славян. Общение Срезневского с австрийскими славянами сказалось и на его педагогической деятельности. Во вступительной лекции 1842 г. в Харьковском университете он дал восторженную оценку идеям славянской взаимности. Один из воспитанников Харьковского университета Де-Пуле вспоминал: «И.И. Срезневский открыл чтение славянский наречий... Успех был громадный!.. Новость предмета, бойкость изложения, то восторженного и приправленного цитатами из Коляра, Пушкина и Мицкевича, то строго-критического, не лишённого юмора и иронии, все это действовало на учащуюся молодежь самым возбужденным образом»³².

С 1846 года Срезневский начал читать свои лекции по истории и литературе славянских наречий в Петербургском университете. Они вызвали в столице интерес не только студенческой, но и более широкой аудитории. На лекциях бывали граф С. Уваров, попечитель университета граф А.И. Мусин-Пушкин, ректор П.А. Плетнев и другие сановники. Один из учеников Срезневского, в будущем талантливый публицист и литератор, А.Н. Пыпин вспоминал: «Первое впечатление уже несколько охладилось, но в первой половине 60-х годов мы бывали слушателями его одушевленных лекций, какие в это время редки были в нашем университете»³³.

В Казанском университете В.И. Григорович по итогам своих поездок в славянские земли подготовил для университетских студентов курс «Славянские древности» на основании лингвистических, археологических, этнографических данных и письменных источников, которые он собрал за границей. Среди наиболее знаменитых учеников В. Григоровича, впоследствии ставших учеными-славистами, был профессор славянской филологии Казанского университета М.П. Петровский.

Еще одним кандидатом на занятие кафедры истории и литератур славянских наречий в Московском университете был Осип Максимович Бодянский (1808–1877). Его командировка в славянские земли продолжалась в течение 1837–1842 годов. В 1837 году Бодянский защитил диссертацию «О народной поэзии славянских племен», став первым в России магистром славянских наречий. В «Записке», представленной министру просвещения, он излагал план своего путешествия и отмечал: «...Из Вены через Пресбург отправиться в Пест и Буду (Офен), где Коллар, отличный знаток словацкого языка может служить своими наставлениями в нем, и для путешествия по Венгрии, особенно по Словакии...»³⁴.

Научные и личные связи славянских лидеров с первыми университетскими славистами России, несомненно, имели широкое практическое значение и повлияли на характер российского славяноведения начального периода его развития. Интерес к славянству был во многом усилен распространением сведений о творчестве славянских литераторов, филологов и историков в российской периодической печати, публикациями их сочинений, университетскими лекциями профессоров-славистов.

В первой половине XIX в. русские ученые - слависты открыли для России теорию славянской взаимности, сформулированную славянами Австрийской империи, а их ученики отнеслись к этой теории как руководству к действию. В среде интеллигенции началась мода на изучение славянских и древних языков, приглашения учителей и гувернеров из австрийских славян Труды Добровского, Шафарика, Ганки, Коллара изучались не только специалистами, отрывки из них публиковались в так любимых российской публикой «толстых» журналах. Наши соотечественники охотно ехали в славянские земли, выделяя этот регион как особый маршрут в своих европейских путешествиях. В то же время просьбы ученых-славистов и общественных деятелей поддержать братьев-славян в Австрийской империи были вызваны искренним чувством и желанием помочь им в их подвижнической деятельности.

Основание кафедр истории и литературы славянских наречий по новому университетскому уставу 1835 года в четырех российских университетах также являлось своеобразным ответом властей на славянское возрождение в Европе. При этом министр народного просвещения С.С. Уваров стремился обратить новый предмет в русло теории официальной народности.

Общий итог поездок российских ученых в славянские земли – становление первого, романтического, этапа российского славяноведения как науки³⁵.

Примечания

¹ Досталь М.Ю. Как Феникс из пепла...: Отечественное славяноведение в период Второй мировой войны и первые послевоенные годы. М.: Индрик, 2009. С.35.

² Кочубинский А.А. Начальные годы русского славяноведения. Одесса, 1887–1888. С. 99.

³ Путевые записки П.Кеппена хранятся в ПФА РАН. Ф. 30. Оп. 1.

⁴ Сиротинин А. Коллар и Хомяков // Россия и славяне. СПб., 1913. С. 228, 230, 235, 243.

⁵ Ягич В.И. Новые письма Добровского, Копитара и других западных славян // Сборник ОРЯС. 1897. Т. 62. С. 373–374.

⁶ По мнению С.В. Смирнова, мысль о создании славянских кафедр в высших учебных заведениях России могла возникнуть у Кеппена под влиянием В. Ганки. См.: Смирнов С.В. Первые русские слависты и Чехия // Труды по русской и славянской филологии. Т. XXII. Ученые записки Тартуского государственного университета. Тарту, 1973. С. 47–175.

⁷ См. об этом подробно: Бахтурина А.Ю. Государственная доктрина российского самодержавия в XIX – начале XX вв. (к вопросу о возникновении и развитии «теории официальной народности») // Россия и Европа: поиск единства или апология самобытности.– М.: РГГУ, 1995. С. 19–37.

⁸ См. об этом подробно: Рижский М.И. История переводов Библии в России. Новосибирск: Наука, 1978.

⁹ Dostaľová M. “Slovanská otázka” v názoroch grofa S.S.Uvarova // Slovanské štúdie. Bratislava, 1993. Sv. 1–2. S. 68. Автором статьи в ОПИ ГИМ было обнаружено и впервые опубликовано ранее не вводимое в научный оборот письмо С.С. Уварова к К.В. Нессельроде от 26 декабря 1842 г. В статье допущена неточность, когда утверждается, что первая Записка Погодина 1839 г. не была представлена императору, так как Уваров считал ее преждевременной. Как показали архивные изыскания автора данной статьи, именно по инициативе Уварова Погодин передает материальное пособие императора и академии идеологам славянского движения в Австрии - Шафарика и Ганке. Записка (письмо) Погодина 1840 года о путешествии 1839 г. было передано императору вместе с докладной запиской Уварова (РГИА. Ф. 1108. Оп. 2. Е. х. 1. Л. 18–53).

¹⁰ Цитируется по: Dostaľová M. Op.cit. S. 73.

- ¹¹ Сравним оценку деятельности М. Погодина в работах: Левандовский А.А. Т.Н. Грановский в русском общественном движении. М., 1989. С. 42–46, 180 и др.; Петров Ф.А. М.П. Погодин и создание кафедр российской истории в Московском университете. М., 1995.
- ¹² По мнению историка Н. Попова, одно из первых мест в ряду российских представителей, посетивших славянские земли и вступивших в личное общение с вождями славянского движения на западе и юге, бесспорно, принадлежит Погодину. См.: Попов Н. Погодин М.П. как славянский публицист // Родное племя. 1877.
- ¹³ См. об этом: Петров Ф.А. Указ. соч. С. 70–71.
- ¹⁴ Досталь М.Ю. Славистика в университетских курсах Погодина // Славянская филология. Вып. VI. Л., 1988. С. 30.
- ¹⁵ См.: Письма к Погодину из славянских земель. – М., 1880.
- ¹⁶ «Письма» М.П. Погодина // РГИА. Ф.1108. Оп. 2. Е. х. 1. Л. 28–46.
- ¹⁷ Погодин М.П. Историко-политические письма и записки. М., 1874; Письмо Погодина к графине Блудовой о начавшейся войне (1853) // Там же. С. 70.
- ¹⁸ Дело канцелярии министра народного просвещения о пособии чешским ученым Шафарику и Ганке // РГИА. Ф. 735. Оп. 2. Е. х. 60. 42 л.
- ¹⁹ Дело канцелярии министра народного просвещения о пособии чешским ученым Шафарику и Ганке // РГИА. Ф. 735. Оп. 2. Е. х. 60. Л. 21–22.
- ²⁰ Там же. Л. 31.
- ²¹ Доверительные отношения Погодина с Уваровым установились в начале 1830-х гг. и сохранились на протяжении всех 1840-х, о чем свидетельствует их переписка, хранящаяся в фонде М. Погодина в ОР РГБ и фонде Уварова в ОПИ ГИМ.
- ²² Петров Ф.А. Указ. соч. С. 76.
- ²³ В ноябре 1848 г. М. Погодину по ходатайству С. Уварова Министерством народного просвещения «из сумм, назначенных для вознаграждения академиков» было определено ежегодное пособие. См. дело «О назначении г. академику статскому советнику Погодину пособия в 1000 рублей серебром в продолжении трех лет» // РГИА. Ф. 735. Оп. 2. Е. х. 712. 2 л.
- ²⁴ Там же. Л. 38–39.
- ²⁵ Дело о выдаче профессору Погодину 3 тысячи рублей из хозяйственных сумм Московского университета // РГИА. Ф. 735. Оп. 2. Е. х. 127. 55 л.
- ²⁶ Оба донесения хранятся в РГИА. Ф. 1108. Оп. 2. № 1. В 1859 г. отрывки из них были опубликованы в «Русской беседе», а в 1874 г. письма полностью изданы в «Историко-политических письмах и заметках М.П. Погодина».
- ²⁷ РГИА. Ф. 1108. Оп. 2. № 1. Л. 86 об.
- ²⁸ РГИА. Ф. 735. Оп. 2. № 127.
- ²⁹ Подробно о путешествиях русских славистов см.: Францев В.А. Очерки по истории Чешского Возрождения: русско-чешские ученые связи конца XVIII и первой половины XIX ст. Варшава, 1902; Смирнов С.В. Указ. соч.
- ³⁰ Францев В.А. И.И. Срезневский и славянство. Пг., 1914; Сборник «Памяти И.И. Срезневского». Пг., 1916; Досталь М.Ю. Срезневский и его связи с чехами и словаками. М., 2003.
- ³¹ Материалы по истории этой подписки и ходатайствах Срезневского в министерство хранятся в РГИА (Ф.735).
- ³² Де-Пуле М. Харьковский университет и Д.И. Каченовский // Вестник Европы. 1897. Т. I. Кн. I. С. 105.
- ³³ Пыпин А.Н. Русское славяноведение в XIX в. С. 719.
- ³⁴ Дело о разрешении кандидату О.М. Бодянскому поездки за границу с научной целью // РГИА. Ф. 733. Оп. 30. № 293 (97 листов).
- ³⁵ О романтическом характере славяноведения в России в 1830–1850-х годах см.: Славяноведение в дореволюционной России. С. 67 и др.

G. V. Rokina

**THE RUSSIAN SLAVISTS' TRAVELS TO SLAVIC LANDS AND
ITS ROLE IN THE CREATING OF RUSSIAN SLAVISTICS AT THE
FIRST HALF OF THE NINETEENTH CENTURY**

Key words: Russian slavistics, slavists; travels to Slavic lands; the Department of World history; departments of Slavic languages and literatures.

The article is based on the archival materials characterized some travels of Russian slavists to Slavic lands at the first half of the nineteenth century. It shows the peculiarities of the first romantic period in the history of Russian slavistics. It stresses the role of «slavic question» when the doctrine named «orthodoxy, autocracy and nationality» was forming.

Е.В. Колесова

**ФОРМЫ ПОДГОТОВКИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ
МИССИОНЕРСКОГО ПРОТИВОБУДДИЙСКОГО
(МОНГОЛЬСКОГО) ОТДЕЛЕНИЯ КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ
АКАДЕМИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – 1917 ГОД)**

Прослежено формирование системы подготовки квалифицированных преподавателей на миссионерском монгольском отделении Казанской духовной академии. Рассмотренные формы подготовки преподавательских кадров дают представление о контактах академии с востоковедными учебными заведениями России и уровне практической и научной подготовки преподавателей.

Ключевые слова: Казанская духовная академия; миссионерское противобуддистское отделение; миссионерское монголоведение; формы подготовки монголоведов-миссионеров.

Зарождение отечественного монголоведения связано с Казанью. В первой половине XIX века в Казанском университете преподавались и изучались языки, история, этнография и культурное наследие монгольских народов России и Центральной Азии. Формирование российской научной монголоведной школы связано с именем О.М. Ковалевского (1801-1878), более двадцати лет возглавлявшего в Казанском императорском университете первую в России и Европе кафедру монгольской словесности (1833-1854). Ликвидация восточного разряда Казанского университета в 1854 году фактически уничтожила успешно развивавшееся здесь университетское монголоведение.

Во второй половине XIX – начале XX века монголоведение в Казани сосредоточилось в Казанской духовной академии, где с 1846 года в миссионерских целях велось преподавание монгольского и калмыцкого языков. В 1854 году указом Синода в академии открылось специальное противобуддистское (монгольское) отделение, которое должно было готовить преподавателей миссионерских